

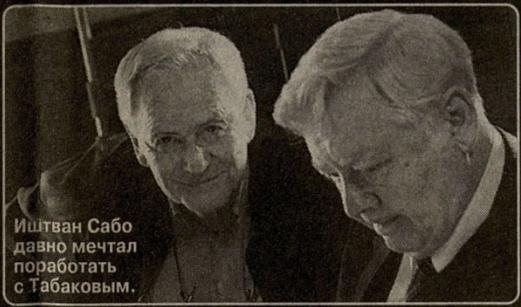
ЮБИЛЕЙ

Марина Зудина приехала к супругу на съемки.

Фильм "Альба Регия" — гордость венгерско-советского производства.

Иштван Сабо давно мечтал поработать с Табаковым.

Краткое содержание первой серии: Олег Табаков выезжает в славный город Будапешт, где снимается у знаменитого режиссера Иштвана Сабо в картине "Родственники". Он играет государственное лицо — бургомистра города. В перерыве между съемками вспоминает, как его испытывали судьба и любовь. И выдает неопубликованные рецепты на все случаи жизни.

Понедельник. "Мафильм". Павильон

— А что ты скажешь на то, что наш министр корсет носит? — говорит по телефону Табаков, хлопывая себя по груди.
Дисциплина на площадке по-прежнему армейская: все по струнке, муха не пролетит.
— Не может быть! Корсет?!
Табаков заливается от хохота вот уже четвертый дубль. И все по поводу корсета, который носит господин министр. С каждым дублем смех раскрывается всевозможными интонационными красками, как-то: повизгивание, похрипывание, обаятельнейшее похрюкивание.
— Да это он — ха-ха-ха, ой не могу — ради любовницы делает. Ради жены не стал бы так себя изнурять.
Пауза на съемках. У нее — только любовный характер.
— Вы меня заинтриговали, Олег Павлович. Так что это была за наследница "Вашингтон пост"?
— Молоденькая девочка приехала на стажировку в корпункт "Вашингтон пост". И жена тогдашнего посла попросила: "Позаботься о девочке". Девочка как пришла в "Современник", так и забыла свою практику. Такой роман закрутился.
— Непозволительная связь с иностранной гражданкой того времени. Не опасались последствий?
— Меня отслеживали. Когда мы приходили в ее номер в гостиницу "Украина" и я делал так пальцем на ее инструменте, что она привезла с собой (похожим на гусли), тут же раздавался телефонный звонок.
А ей уже надо уезжать: слезы, вопли, ля-ля-тополя. А в 70-м году я приехал в США в составе делегации молодежных организаций. Сажу в театре Алена Шнайдера, настроение кислое, ну я и попросил: мол, можно ли разыскать один телефончик. Шнайдер дал задание кому-то из секретаршей. А через 5 минут меня и самого позвали к телефону. "Это ты?" — "Я". — "Я выезжаю". И на маленькой машинке BMW она выезжает из города Детройт в курортное местечко Бруслик-он-Айлэнд, где мы находились, и с этой минуты начинается снимать номер рядом: где я, там и она. Все это на глазах у удивленной братии. В общем, роман двинулся дальше.
И под конец она сказала: "У меня есть 30 миллионов. Это не родительские деньги, это бабушка оставила: сделаем так — половина тебе, половина мне. Я знаю, что ты хочешь сделать студию, театр". Не хотел я делать в Америке никакой театр. И это был второй такой очень серьезный соблазн.
— Как вы ей отказали?
— Знаешь... В каком-то смысле я смалодушничал. Я не отказал, я просто уехал. Я не мог ничего говорить, это было бы обманом. А сказать нельзя: когда молоденькая девочка так тебя любит, так хочешь, то как скажешь?
— И вы с тех пор не общались?
— Спусти полгода был странный звонок. Сначала она сказала, что больна чем-то, спрашивала, нет ли у меня какого заболевания. Потом — что ждет ребенка. Но я понимал, что и то и другое — врет: хотела каким-то образом выцарапать меня хоть ненадолго. А потом, спустя несколько лет, прислала мне приглашение на свадьбу.
— А вы любил ее?
— А я вообще никогда без любви этого не делал.
— Да, Олег Павлович, такая мелодрама — молодая миллионерша и бедный русский артист.
— В то время я был уже не бедным, а состоявшимся человеком 35 лет, привыкшим зарабатывать себе и своей жене, и детям своим. Это я рассказал потом, чтобы ты поняла — это у меня...
— Но любовь-то сильнее.
— Любовь сильнее, но все равно без этой земли смысла для меня мало. Я никогда не пожалел об этом. Поступок тем и отличается от вынужденной регламентации, что он решается тобой.
— А то вы сейчас сидели где-нибудь во Флориде в большой шляпе, с толстой сигарой.
— Конечно. Мало этого, думаю, целый выводок детей был бы. Кольцо давай.
Это уже не мне, а Жуже, которая привезла массивный перстень, что Олег Павлович забыл в гостинице, жалуется, что у нее с обслугой были проблемы. На что Табаков тут же выдает рецепт: "А ты скажи им: "Пошли в жопу заместо укропу". Жужа смеется, но ее веснушки темнеют. А насчет "укропу" — надо бы запомнить: неплохая отмазка от бестолковых.
Из павильона выходит господин Сабо. Настроение хорошее, не то что вчера. Говорит, что впервые увидел Табакова в фильме своего друга Митты "Гори, гори, моя звезда", а потом уже у Михалкова в "Неоконченной пьесе для механического пианино". Он уже тогда понял, что хочет с ним работать. И несколько лет тому назад осуществил мечту, пригласив Табакова в фильм "Мнение сторон" (производство Франции, Англии, Германии) на роль русского офицера, отстаивающего культурные интересы СССР.
— И когда я задумал делать "Родственников", сразу подумал: "Он — бургомистр. Хорошо бы, чтобы у него нашлось время".
— Но для венгерского бургомистра у Олега Павловича слишком русское лицо.
— У него очень человеческое лицо.
А в это самое время — что я вижу — Табаков на улице устраивает небольшой шухер. Этот солидный господин в отужоженном костюме вдруг, как сорванный, забрался на лестницу возле забора. Немая сцена. Куда его понесло? А Табаков на лестнице довольно выпрямился и доложил:
— Там, значит, шифер, доски. Можно брать.

Вторник. "Мафильм". Студия

На полтора дня прилетела Марина Зудина. Появилась на площадке — стройная, как манекенщица, белые брюки, эффектная желтая рубашка в вишневым цветах. Табаков представляет супругу венграм так:
— Вот видишь: сначала обучил, потом совратил, потом родила мне парня.
Надо сказать, что Венгрия для этой супружеской пары началась с мучительных страданий. Впрочем, тогда они еще не были супругами, а Олег Павлович числился наставником подающей большие надежды студентки Зудиной, и их роман был в самом разгаре.
— Представляешь, — смеется Марина, — мы-то думали, что хотя бы в Будапеште будем вместе,

КАК ТАБАКОВ ЗА ДУНАЕМ ПРАВИЛ

ХУДРУК МХТ В КАНУН 70-ЛЕТИЯ: "Даже в свои 70 лет я не утратил свойств мужского пола"

а Олега Павловича в общежитии поселили с педагогом по сценической речи. Меня — в комнату на три человека. Ужас! А еще я помню, что нас принимали венгерские комсомольцы. Они устроили нам просмотр "Калигулы". И помню, как одна девочка вскочила и со словами: "Мне на это противно смотреть!" — вылетела из зала.
Появляется Табаков в коричневом костюме и светлом жилете.
— Олег Павлович, вы помните свой первый фильм? — спрашиваю его.
— Нам не разрешили сниматься до четвертого курса, хотя уже на первом и на втором меня утверждали в разные картины. Но на четвертом курсе я на каникулах получил телеграмму: "Вы утверждены на роль Саши Комелева" (картина "Тугый узел"). — М.Р. По тем временам запрещаемая картина: молодой секретарь райкома для того, чтобы утвердить себя, делает "липу". Берет стадо голландских коров в количестве 3 тысячи, и коровы от бескомиссии у него начинают дохнуть. Когда снимали кадр падающей от голода коровы, она не то что не могла упасть, а даже как-то удивленно смотрела на нас: хрен вы от меня хотите? И тогда Лев Аронвич Инденбом, работавший вторым режиссером еще у Эйзенштейна, сказал: "Ей надо дать водки". Он нацедил ведро водки, и она пила-пила, потом — му-му-му — и завалилась. Спюли животное.
— Как сохранить трепет первых съемок, когда давит профессиональный цинизм?
— Ты знаешь, я поднимаюсь на цыпочки и в конечном итоге, если ты простишь так какое-то время, то в тебя впрыскивается адреналин. Ну, может, это только у меня так. Но нормально, пока цинизма нет. Если ты любишь это — ведь театр занятые по любви, и тебе деньги еще за это платят (заметь, немалые), здесь совсем другие мотивации.
Старое кладбище на стороне Буды
Едем на могилу знаменитого писателя и драматурга Эркеня, пьесу которого "Кошки-мышки" сейчас играют в МХТ. Долго ищем могилку. Наконец находим. Табаков кладет цветы. Стоит, опустив голову на грудь.
— За последние 2 года на Новодевичьем восстановили захоронения тридцати, которые были кучкой земли. И на других кладбищах тоже. Вот исчезло золото сусальное с камня моего учителя Топоркова. Понимаю, что нет денег у его близких, но надо делать. Мы с тобой об этом говорим так долго, знаешь почему? Потому что по сути дела у нас традиции этой нет — смотреть за могилками. А пристрастие этот возвращает достоинство театру. Это такая пушкинская формула: "Два чувства дивных близки нам, в них обретает

сердце пищу, любовь к родному пепелищу, любовь к отеческим гробам". Казалось бы — до тридцати лет им написано. С какого бока ему нужно было об этом задумываться?
А по дороге обратно почему-то вспомнил Саратов и послевоенный цирк лилипутов, где один аттракцион имел сумасшедший успех: лилипут выходил и пел песню про то, как вызывает на бой семь здоровенных мужиков. Табаков распевает: "В серой шляпе и с пером выходите всемером..."
Вторник. Павильон
Сегодня снимают финал, и Табаков практически не выходит из павильона.
— Я же говорил тебе, что родственники должны жить, но и неродственники должны сводить концы с концами. У нас теперь новый обер-прокурор, и у нас теперь новые будут родственники! И в конце концов, неродственников в городе живет значительно больше, чем родственников. И они тоже должны на что-то жить! (С силой пугит ладонью по столу.)
Обер-прокурор испуганно что-то лепечет в ответ по-венгерски. Финал эмоциональный, с криком, с разборками. И все по поводу родственников.
— У тебя есть идея, как выкупить свиноферму? Наверное, тем же способом, как ты купил виллу Барантая? Родственники!
Плюхается в кресло. Закрывает глаза. Издаст звуки, и, кажется, слышно, как слюна во рту клокочет.
Все это продолжается часов пять. И все пять часов "долбит" одну-две сцены. Какой ужас это кино! Эту же мысль я транслирую ему в машине по дороге с "Мафильма" в центр города.
— Кино, Мариша, как солдатская служба: хочется спать, а нельзя, холодно, а надо. Самое тяжелое — это самодисциплина.
Среда. Вечер. Улица Ваца. Ресторан "Таверна".
— Все-таки любопытный фильм эти "Родственники". Ведь весь мир стоит на круговой поруке — родственники, знакомые. Как вы для себя решили эту проблему?
— Первый круг образования я прошел в первый год, когда стал директором "Современника". Я не позволил не только для себя принести пьесу, но даже для Люси Крыловой. Если говорить про МХАТ, то ситуация примерно такая же. Только с той разницей, что у меня ни с кем отношений в этом театре не было. Я все равно генерал из ведомства Шойгу.
— Но самое святое на свете — дети, а ваши

На могиле старого друга Эркеня.

получили актерское образование. Вы не могли им не помочь. Лично я вас бы не осудила.
— Антону я категорически не советовал заниматься этим ремеслом. А Саша Табакова, она талантливый человек, погубила свой талант, в том смысле, что не работает по профессии.
Нет, что и говорить, но есть с ним одно удовольствие. Табаков знает толк в кухне и утверждает, что мы и есть то, что едим. Исходя из его теории, сейчас мы — Олег Павлович с супругой и я — рыбки. Жирненькие такие, в остром красном соусе. Но кровь у Табакова точно не рыба.
— Скажите, хотя бы раз в жизни вы позволили кому-нибудь решать свою судьбу?
— Нет. Если говорить серьезно, я ведь действительно человек, которому везло.
— Другими словами, вы считаете себя избранным?
— Нет. Эта логика привела бы меня к комплексам Анатолия Александровича Васильева. Вот такая жизненная установка — я артист и занимаюсь чем-то высоким, а вы все вокруг должны исполнять танец маленьких лебедей — не для меня. Я человек здоровый. Повторяю, я зарабатывал деньги на нормальную, достойную жизнь для женщины — жены моей, детей моих.
А вот когда ты говоришь избранный-неизбранный, то ведь жизнь меня достаточно жестко на шивовость испробовала. Если вспомнить, что обо мне говорили и писали (Вознесенский, к примеру: "Вот стоит Табаков — Моцарт поколения..."), то достаточно было искусства, чтобы поверить, поиграть в эту роль. А знаешь, почему никогда не играл? Я характерный актер, довольно много смешного вижу в жизни и ничего с этим поделаться не могу. Я представляю, как глупо выглядят люди, которые надуются, и просто не могу к этому серьезно относиться.
К вечеру венгерские официанты явно потеряли шустрость: пошел за вином и пропал.
— Знаешь, я выше всего ставлю тех, кто владеет своей профессией.
— Выше денег?
— Да-а! Это несравнимые вещи. Светланов, Рихтер, Коган, Плетнев... Деньги, конечно, искушение. Но, как только человек понимает, что на одну жопу трех пар штанов не нацепишь и туда с собой не возьмешь, сразу как-то...
— В философском смысле вы правы. Но хочется здесь и сейчас, хочется, чтобы комфортно, чтобы вкусно и красиво... А, прости, на что?
— Друзья мои, когда мне, скажем, надо лететь, предлагаю купить самолет? Нет! Потому что глупо. Если бы я летал по работе из Москвы в Саратов, может, я купил бы самолет, но, как выяснилось, очень разорительно содержать его: стоит и жрет много денег.
— Завидуете ли вы кому-нибудь в своем деле?
— Нет!
— И Смоктуновскому с его трагической мощью?
— Нет. Должен тебе сказать, что во второй половине жизни он открытий не делал. Думаю, именно потому, что сконцентрировался на собственной значимости.
— А Чарли Чаплину?
— Он бог. Или уж, во всяком случае, апостол. Как же можно завидовать апостолу? Если бы я про себя так думал, тогда бы у меня на лбу, как у Валтасара, должны были выступить буквы "му-дак". Вот спектакль — это моя любовь.
— Я их прощаю, потому что люблю их. Я же их люблю-то для себя. Понимаешь, я мужчина, даже в свои 70 лет не утрачиваю свойство этого пола. И если бы Люся Крылова рожала раз в 2 года, может, я не стал бы преподавать. У отца после войны другая семья была. Вот тогда я несколько мифов себе создал: первый — боль, что у меня нет отца, никогда не позволю себе ребенку своему доставить такую боль. А второй — буду взрослым, настружу Буратин.
— Но ваши Буратины, то есть ученики и молодые режиссеры, не хотят руководить репертуарными театрами. Почему?
— Я так понимаю: не хотят за что-либо отвечать. Вот такая системная проблема. Понимаю, заставить никого нельзя, но есть решение — это назначать молодых. Поверь, мера счастья, которую испытывает человек при рождении его создания, не сравнима ни с чем. Даже с Нобелевской премией. Если мне еще дано будет несколько лет, то, поверь, и новый театр будет на Гиляровского для подвала (Табакерка. — М.Р.), и школа для одаренных российских детей. Даст бог, образуюлю Женю Миронова и отвлеку его от планов сыграть все главные роли мирового репертуара, и тогда он с Мишкой Хомяковым возьмется за школу. Уже большая часть производственных мастерских театра под руководством Табакова построена. Я ведь в отличие от моих коллег на самом деле думаю, что на мне жизнь не кончается.
— То есть вы думаете о преемнике?
— Думаю.
— Несколько лет назад вы называли фамилию Машкова в этом качестве?
— Нет, Володя не годится. У него огромный талант, а он транжирит свое жизненное время, не делая театральных работ. Если дарование ты не по назначению используешь — это грех. Так что вот если весь этот фронт работ выстрит, то мне бы жить и жить, сквозь годы мчась. Во всяком случае, если доживу до того дня, как откроется театр, как начнут зарабатывать деньги мастерские и, главное, заработает школа — о-о-о! что ты!!! Вот это и есть попытка реально влиять на ход жизненных событий.
Выходим на улицу Ваца. Одна дама с самопальными портретами на мольбертах пристает к Табакову:
— Сэр, карикатури, плиз.
— Да что вы, мадам, я сам уже давно карикатура. И вдруг огорашивает:
— Если бы у меня было много денег, знаешь, что бы я сделал? Я бы выкупил все ордена и медали наши, которые продаются во всем мире.
— Почему?
— Ну понимаешь, стыдно этим торговать. Кто-то кровь проливал, кто-то жизнь отдал. Значит, мы потомки хреновые. Я задумалась. А он бросил деньги женщине, которая играла на маленькой гармошке.
— В истории моей жизни, как это ни странно, могу тебе сказать, не жалею ни о чем. Что в общем-то и есть настоящее подтверждение, что все делал правильно.
На следующий день Марина Зудина улетала.
— Ну уж вы теперь оторветесь, — предположила я.
— Что ты, я буду целый день валяться. Часок в ванне полежу. И из гостиницы ни на шаг.
Марина РАЙКИНА, Москва — Будапешт — Москва.
За помощь в подготовке материала автор благодарит директора Русского культурного центра в Будапеште Валерия Платонова и директора картины Иштвана Сабо Лайоша Овари.